

© 2013 г.

О.В. ВОЛОСЮК

ОТТО-МАГНУС ШТАКЕЛЬБЕРГ – ДИПЛОМАТ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ЭПОХИ

Он был “скорее малого, чем большого роста, скорее плечист, чем толст, с головою, украшенною пышными волосами и гордо поднятою кверху”. Так выглядел человек, про которого современники писали, что он “играл в Варшаве роль скорее короля, чем дипломата”, человек, которому подчинялся польский король Станислав-Август, симпатизировала Екатерина и которого ненавидел ее фаворит Г.А. Потемкин.

О жизни и дипломатической карьере Отто-Магнуса Штакельберга, одного из наиболее неординарных и неоднозначных людей в плеяде дипломатов екатерининской эпохи, известно немного. Историками рассмотрена главным образом деятельность Штакельберга в Польше, где он служил послом с 1772 по 1790 г.¹ Именно по этой причине, представляя читателю биографию этого выдающегося российского дипломата, мы сосредоточили внимание на наименее исследованной части его карьеры – деятельности в Испании.

Уникальные свидетельства испанского периода жизни Штакельберга сосредоточены в Архиве внешней политики Российской империи. Это его переписка с государыней, донесения Н.И. Панину, руководителю коллегии иностранных дел России и вице-канцлеру А.М. Голицыну. Их расшифровывали и переводили на русский язык в коллегии иностранных дел. Эти переводы и представлены в статье, за исключением тех случаев, когда отложился только оригинал донесения на французском языке и перевод сделан автором статьи. Сам Штакельберг или плохо знал русский, или не знал его вовсе. Писал он только по-французски.

ШТАКЕЛЬБЕРГИ

Фамилия Штакельберг, по некоторым предположениям образованная от названия горы Штакель в Германии, была известна уже в XII в. В 1146 г. император Священной Римской империи Конрад III в награду за воинские подвиги возвел в рыцарское звание некоего Оттона Штакельберга. В 1244 г. фамилия встречается в анналах г. Кёльна. После XIV в. в рейнских землях упоминания о них исчезают – Штакельберги перемещаются в Ливонию и оседают там. Уже в 1304 г. в анналах г. Риги впервые встречается некто Хенрикус де Штакильберх, который взял займы огромную сумму в 214 марок серебром (равную по тем временам годовому бюджету Риги), но быстро ее вернул². Другие упоминания о Штакельбергах – это прежде всего покупка ими земель и осно-

---

Волосюк Ольга Виленовна – доктор исторических наук, профессор кафедры цивилизационного развития Востока отделения востоковедения Высшей школы экономики.

¹ См., например: *Zielinska Z.* Stanislaw August i Otto Stackelberg u progu wojny rosyjsko-tureckiej (marzec – pazdziernik 1787). – Kwartalnik historyczny, Warszawa, semper 2000; *Зелинская З.* Российский посол в Речи Посполитой Отто Штакельберг и польская политика России во время войны за баварское наследство. – Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002.

² Family Association von Stackelberg. – <http://www.familyassociation-von-stackelberg.com/en/geschichte/altlivland.html>; Heinrich von Stackelberg (um 1305). – <http://www.von-stackelberg.de/personen/heinrich-dynastie-stammvater.htm>

вание поместий в разных частях Ливонии. Некоторые из членов семьи были связаны с ганзейской торговлей.

Основателем династии российских Штакельбергов – дипломатов и государственных деятелей – считается Аренд фон Штакельберг (род. ок. 1444 г.). От его внуков в XVIII в. пошли четыре ветви семьи³. С конца XVI в. ливонские Штакельберги подпадают под власть шведской короны, служат в армии Карла XII. В 1625 г. род был причислен к шведскому двору. Барон Отто Штакельберг, прадед Отто-Магнуса, дослужился до звания майора. В 1684 г. в составе шведского посольства вместе с Конрадом Гильденштерном и Ионасом Клинкштедтом он прибыл в Москву. 2 мая 1684 г. послы вручили царям Ивану и Петру Алексеевичам грамоту о подтверждении Кардисского мира, 22 мая заключили договор об уточнении границ между Швецией и Россией и о “вольной и беспомешной” торговле. А 28 мая 1684 г. в Грановитой палате цари Иван и Петр в присутствии послов торжественно дали обещание хранить тот мир нерушимо⁴.

О деде Отто-Магнуса, Карле-Вильгельме, известно, что в 1709 г. в битве при Полтаве он попал в плен и умер в Тобольске в 1711 г. Отец дипломата, Отто-Магнус (старший) (1704–1765), жил в Эстляндии, скупая земли и имения. Экономическому процветанию его усадеб содействовал проходивший по волости почтовый тракт Петербург–Рига. Вдоль дороги стояли трактиры, а в Вяйке-Пунгерья построили почтовую станцию. В конце концов Штакельберг стал одним из наиболее состоятельных дворян Эстляндии, а 12 июня 1746 г. был внесен в матрикул российских дворян Эстляндской губернии, получив все дворянские права и привилегии, в том числе право избираться в орган местного самоуправления – ландтаг. До середины 1750-х годов он занимал должность ландтрата, а потом поступил на службу в голштинские войска Петра III, который присвоил ему звание генерал-майора⁵. Мать будущего дипломата Анна-Магдалена до замужества носила фамилию фон Беллинсгаузен⁶. В семье было пятеро детей: Отто-Магнус (младший), родившийся в Эстляндии в 1736 г., был единственным сыном и самым младшим ребенком. Из четырех его старших сестер две умерли в младенчестве⁷.

После учебы в Лейпцигском университете, где Отто-Магнус изучал философию и христианскую мораль, он в 1754 г. отправился в путешествие по Италии и Франции⁸ и в Неаполе познакомился с будущим испанским королем Карлом III⁹. В январе 1758 г. Штакельберг женился на Софии-Гертруде, вдове барона Тизенгаузена. У них родились четыре дочери и два сына. Две дочери умерли в детском возрасте, две другие вышли замуж и прожили всю жизнь в Эстляндии, а один из сыновей, Густав Эрнст, родившийся в 1766 г., впоследствии стал посланником России в Турине, Швейцарии, Нидерландах, Берлине, Неаполе, а также представителем России на Венском конгрессе¹⁰.

---

³ В 1864 г. В Таллине была создана Ассоциация семьи Штакельберг. В настоящее время члены семьи, имеющие кровное родство, насчитывают 386 человек, проживают они в основном в Германии, а также в Канаде, США, Финляндии, России, Австралии и других странах. – Family Association von Stackelberg.

⁴ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России. М., 1894–1902, с. 200; *Похлебкин В.В.* Отношения между Шведским государством и Русским государством в XIII–XIX вв. (1142–1874 гг.). – *Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах.* М., 1995.

⁵ Otto Magnus von Stackelberg, Haus Isenhof (1704 – 1765). – <http://www.geni.com/people/Otto-Magnus-von-Stackelberg-Haus-Isenhof/>

⁶ *Долгоруков П.* Российская родословная книга. СПб., 1856, ч. III, с. 257.

⁷ Archiv der familie von Stackelberg. T. 1. Quellen aus dem Majoratsarchiv zu Isenhof nebst einem Anhang. St Petersburg, 1898, S. 15.

⁸ В книге “Прибалтийцы на российской дипломатической службе”. – <http://genealogia.baltwillinfo.com/genealogy-diplomat.htm>

⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 299, л. 10.

¹⁰ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли, т. V. М., 1836, с. 91; Archiv der familie von Stackelberg, S. 21–22, 24–30.

В 1764 г., во время путешествия императрицы Екатерины II по Эстляндии и Лифляндии (с 1721 г. они входили в состав Российской империи), Штакельберг оказался в числе тех, кто присутствовал на встрече высоких гостей в г. Балтийский Порт (ныне Палдиски) с представителями эстляндского рыцарства, а 29 июня присутствовал на ужине, данном в честь императрицы в рыцарском доме, куда были приглашены восемь местных дворян. Затем Отто-Магнус входил в состав делегации, 2 июля провожавшей императрицу до границы Эстляндии. 20 июля, на обратном пути императрицы из Риги в Петербург, он встречал ее вместе с другими представителями эстляндского дворянства в местечке Раннапунгерья¹¹. Государыня обратила внимание на честолюбивого, активного и умного молодого человека. Она приблизила Штакельберга ко двору, а в 1766 г. направила его посланником в Мадрид. Заметим, что к этому времени, наследовав все владения умершего в 1765 г. отца, он был одним из самых состоятельных помещиков Эстляндии.

РОССИЙСКИЙ ПОСЛАННИК В МАДРИДЕ

19 мая 1766 г. императрица подписала верительные грамоты Штакельберга, а 26 июня ему была вручена инструкция, которая предписывала “недреманным оком интересы е. и. в-ва охранять... и о состоянии тамошнего двора и силах онаго... особенно важные известия получать”¹². И поскольку отношения между двумя дворами продолжали носить скорее протокольный характер, то новому российскому представителю в Мадриде отводилась роль основного информатора о внешней и внутренней политике Испании. Главной его задачей являлось “достаточное и систематическое познание всех областей тамошнего края Европы, каждой из них силы и слабости, их склонности и обычаев, действующих в делах, их интересов существительных и настоящими обязательствами между собой установленных, и какая конекции между каждой из тех держав ныне настоят”¹³.

Прежде всего Россию интересовали отношения Испании и Франции, которые после смерти в 1723 г. Филиппа Орлеанского и отказа Филиппа V от претензий на французскую корону вновь вернулись в “добросердечное” русло. В 1733 г. Мадрид подписал с Версалем первый Фамильный пакт, рассчитывая на поддержку Франции в завоевании для сына Филиппа V, инфанта Карла, престола Неаполя и Сицилии. В 1743 г. в связи с участием в Войне за австрийское наследство был подписан второй Фамильный пакт, на этот раз объединивший три ветви бурбонского дома: Испанию, Францию и Неаполь. Третий, и последний, пакт державы бурбонского дома подписали в 1761 г., в ходе Семилетней войны.

Вступившая на российский престол в 1762 г. Екатерина II поддержала союз с Пруссией – противницей бурбонских держав в Семилетней войне, что заметно охладило отношения России с Испанией и Францией, а потому российская императрица наказывала своему посланнику, “стараясь для того всеми пристойными способами, но без обнажения при том самого себя... разведывать... какие настоят ныне старья или новья обязательства между означенными союзниками и какие могут быть их намерения”¹⁴.

В августе 1766 г. вместе с женой и детьми Штакельберг отправился к месту своего назначения. Его путь лежал через Ригу, Данциг, Гамбург и Париж. В Париж он приехал в начале ноября и пробыл там почти четыре месяца. Дипломата принял сам Людовик XV. Штакельберг познакомился с французскими просветителями, о чем он сообщал в одном из донесений Н.И. Панину, руководителю коллегии иностранных дел

¹¹ Archiv der familie von Stackelberg, S. 16–17.

¹² АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 285, л. 17. Инструкцию см. Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее – СИРИО). Т. 57. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, 1766–1767 гг. СПб., 1887, с. 553–561.

¹³ АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 285, л. 16.

¹⁴ Там же, л. 12.

России: “Аббат Рейналь, чьи работы столь известны, оказал мне неоценимую услугу... познакомив меня со многими мыслителями. Я беседовал с г-ном Даламбером, Дидро, Гельвецием и некоторыми другими философами, у которых доброта, выказанная ее и. в-вом к г-ну Дидро, вызывает чувство глубочайшего уважения к нашей Августейшей Государыне. Все они являются ее глубокими почитателями. А я, также желая познакомиться с людьми, сведущими в области финансов и политической экономии, через своего друга был представлен маркизу де Мирабо, автору “Друга народа”, и г-ну де ля Ривьеру, являющемуся, несомненно, наиболее просвещенным человеком во всей Франции”¹⁵.

Из переписки с Петербургом Штакельберг предстает как внимательный наблюдатель, тонкий и глубокий аналитик. Описывая свои впечатления от путешествия через Францию, он замечает все: то, что французы недовольны политикой Людовика XV, что король вынужден подчиняться министрам, что страна находится в очень тяжелом положении (военная слабость, кризис финансов, злоупотребления властей, разорение населения от налогов). В письме к вице-канцлеру А.М. Голицыну Штакельберг со свойственными ему образностью и язвительностью описывает положение во Франции: “Это государство похоже на частный торговый дом, хозяин которого боится признаться самому себе в царящем там развале, не надеясь что-либо исправить в ожидании неминуемого банкротства”¹⁶.

Из Парижа дипломат посылает донесение и о событиях в Испании. Он сообщает, что в Мадриде народ, недовольный ростом цен на хлеб, восстал против министра финансов Л. Скилаччи¹⁷.

В начале марта 1767 г. Штакельберг вновь отправился в путь и 23 апреля прибыл в Мадрид. На следующий день он сообщил государственному секретарю по иностранным делам Испании маркизу Х. де Гримальди о своем приезде и в сопровождении российского временного поверенного Н.Н. Хотинского отправился в Аранхуэс, где в это время находилась королевская семья. Первая аудиенция у короля Карла III состоялась 30 апреля 1767 г.

Уже по первым донесениям Штакельберга видно, что он усерден и честолюбив, а главное, очень старается, чтобы императрица оценила это усердие. С немецкой пунктуальностью он посылает подробные еженедельные отчеты в Петербург. В августе 1767 г. Штакельберг писал Екатерине II: “Я стараюсь собрать все нужные материи, дабы в состоянии быть мог через несколько месяцев послать в. и. в-ву примечания об Испании. Не токмо по задумчивому нраву здешняго народа, но и по малому числу знающих людей зделать сие здесь гораздо тяжелей, нежели во всяком другом государстве”¹⁸.

Впоследствии, уже будучи посланником в Варшаве, Штакельберг как-то поделился воспоминаниями о трудностях в начале своей карьеры с французским посланником в России графом Сегюром. “Как только я попал на дипломатическую службу, – рассказывал он Сегюру, – я был назначен на важный пост посла к мадридскому двору. Это было слишком ответственно для первой попытки, и я мог провалить свою миссию, так как не имел ни малейшего представления ни о правительстве, принципах, грандах, церкви, законах, обычаях, ни об интересах испанского народа; люди или вещи – все было для меня одинаково чуждо”¹⁹.

Штакельберг приехал в Испанию в самый разгар событий, связанных с изгнанием иезуитов. Эти события и находились в центре его внимания в течение первого года пребывания в стране. Созданный в 1540 г. в рамках Контрреформации орден иезуитов в XVIII в. имел огромное влияние и неограниченную власть. Иезуиты завоевали

¹⁵ Там же, д. 292, л. 12–13.

¹⁶ Там же, д. 292, л. 12; д. 301, л. 1–17.

¹⁷ Там же, д. 292, л. 10.

¹⁸ Там же, л. 125.

¹⁹ *Memoirs and Recollections of Count Segur. V. 2. Ambassador from France to the Courts of Russia and Prussia.* Whitefish, 2006, p. 144.

сильные позиции в области образования, вели издательскую деятельность, занимались иностранными миссиями, участвовали во всех теологических спорах и дискуссиях, отстаивая интересы папства. Во многих католических странах они были духовниками и советниками монархов. Амбиции ордена иезуитов со временем начали вызывать сначала отдельные опасения, а затем растущую оппозицию во многих европейских странах.

Преследования иезуитов начались в Португалии, где орден противодействовал политическим реформам первого министра маркиза де Помбала. После покушения в 1758 г. на короля Португалии Жозе I иезуитов обвинили в антикоролевском заговоре, многие из них были отправлены в тюрьмы, а остальные вывезены из страны и высажены на берегах Папской области. В 1761 г. во Франции запретили некоторые книги иезуитов, французам не позволяли вступать в орден, а самим иезуитам – вести преподавательскую деятельность. В 1764 г. Людовик XV подписал эдикт о запрете в стране ордена иезуитов²⁰.

В 1766 г. борьбу с иезуитами начал и испанский король Карл III. В начале ноября 1766 г. Хотинский писал в Петербург: “Из Мадрида уведомляют, что там разные персоны были взяты в своих домах и вывезены из города под арестом... Арестован еще и генерал-прокурор для езуитов обоих Кастилий, именуемый Сидролопес”²¹.

В ночь с 31 марта на 1 апреля 1767 г. Карл III предпринял самый решительный шаг. “Вчерашнего утра осведомились мы с наибольшим удивлением, – тут же составил донесение Хотинский, – что в предыдущую ночь все в здешнем городе находившиеся езуиты были в разных своих домах схвачены и немедленно из Мадрида под караулом вывезены. Сие никем не ожидаемое предприятие истребить в Испании езуитское племя принято и приведено было здесь к концу в глубочайшей тайне, с благополучнейшим успехом и в такой тишине, что по утру уже неприметно было никакого следа беспокойства или беспорядка, кои при таком знатном случае более или менее состояться имели”. На следующую ночь иезуиты были арестованы и в других областях Испании²². По слухам, писал далее Хотинский, причиной ареста было то, что “якобы они хотели истребить всю ныне здесь владеющую королевскую фамилию”, а их “нравоучения особливо за зловредные признаны”²³.

Совершенно очевидно, что эти слухи были рассчитаны на усмирение простого народа. Возросшее могущество общества Иисуса, накопившего огромное состояние и тем создававшее угрозу экономического доминирования, укрепление связей с некоторыми влиятельными испанскими сановниками и попытки таким образом вмешиваться в управление государством – вот что было истинной причиной противостояния короны и иезуитов.

“Езуитское дело единственной есть предмет всех разговоров, – докладывал Екатерине II прибывший в Мадрид Штакельберг. – ...Я уже видел две из сих прагматических санкций, касающихся имений, книг, манускриптов и лавок езуитских. Сии отцы, уволены будучи от десятины, всяких налогов и пошлин, учинили торговлю весьма пространную и предосудительную коммерции сего государства. Они имели также и аптеки, которые ныне будут употреблены на госпитали, прочие их товары будут проданы для раздела бедным. Все, кто имеет у себя их имущество, должны объявить об этом, в противном

---

²⁰ Модестов В. История падения иезуитов в XVIII столетии. СПб., 1855; Капеев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. III. История XVIII века. СПб., 1913; Kratz G. El tratado hispano-portugues de limites de 1750 y sus consecuencias. Estudio sobre la abolición de la compania de Jesus. Roma, 1954.

²¹ АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 289, л. 25–26; Hargreaves-Mawdsley W.N. Eighteenth Century Spain, 1700–1788. A Political, Diplomatic and Institutional History. Totowa, 1979, p. 114–115.

²² АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 298, л. 46.

²³ Об этом же пишут В. Модестов и Х. Феррер Бенимели. См. Модестов В. Указ. соч., с. 15–21; Ferrer Benimeli J. Carlos III y la extinción de los jesuitas. – Actas del congreso internacional sobre “Carlos III y la Ilustración”. V. 1. El Rey y la monarquia. Madrid, 1990, p. 239 – 248.

случае подвергнется жестокому наказанию, а книги все отданы будут в королевскую библиотеку. Что же касается до манускриптов, то оные сохраняться будут до тех пор, пока не сделают их опись, а куда их отдать, сам король определит”²⁴.

Инициатором этой акции был президент королевского Кастильского совета граф Аранда. “Народ, привыкший уже за годы видеть действия великой власти короля и господина д’Аранды, – продолжал Штакельберг, – который подлинно оказал великий разум, искусство и твердость в такой большой должности, в восстановлении полиции, в укреплении спокойствия и послушания во всем государстве, ожидает новых учреждений, касающихся до духовенства, в частности до других духовных орденов”. Реформатор и просветитель, сторонник сильной королевской власти, “добрый патриот и истинный испанец, сумевший, – по словам Штакельберга, – объединить доверие короля и доверие народа”, Аранда почувствовал в деятельности иезуитов угрозу своим личным планам по укреплению короны.

Действия Испании осложнили ее отношения с папой, однако папа был бессилён бороться с мадридским двором, а потому, считал Штакельберг, “изгнание езуитов из Пармы и Плезанции воспоследует вскорости и таким же порядком”²⁵.

1 февраля 1768 г. папа издал декрет об отлучении от церкви герцога Пармы²⁶. Испанский король воспринял это как личное оскорбление, и Кастильский совет на своем заседании заявил о необходимости принять по отношению к папе строгие меры, вплоть до военного вмешательства²⁷. Неаполитанские войска подошли к Беневенте, а французские – к Авиньону. Испания и Португалия заявили о своей поддержке, и даже “венской двор, которой, не вступая в дело о езуитах, соединился с другими державами... Наконец все восстали против папы, кроме туринского двора”²⁸. Столь жесткая позиция, занятая бурбонскими державами, заставила папу отказаться от своего решения, и к лету 1768 г. конфликт был улажен.

Результатом этого противостояния стало издание Карлом III двух указов, ограничивавших в Испании власть Рима. Первым утверждалось, что впредь все буллы и грамоты папы будут иметь в Испании силу закона только после утверждения их Кастильским советом. Второй указ ограничивал права инквизиции на цензуру. Следует заметить, что реформы, ограничивавшие власть церкви в Испании, вызывали сильное противодействие духовенства. Рассказывая в одном из донесений о пасквиле, направленном против графа Аранды, в котором того называли “атеистом совершенным”, Штакельберг констатировал: “Сие есть жар, кроющийся под пеплом, и вынутый наружу рукою духовенства, покроеет при первом случае пламенем всю Гишпанию”²⁹.

Совместные действия по борьбе с орденом иезуитов привели к сближению Франции и Испании с Португалией, и версальский двор стал активно развивать свою политику в этом направлении. “Удар, нанесенный иезуитам и заставивший их удалиться с континента Испании и всех ее владений в Америке и Азии, – писал маркиз де Помбал португальскому послу во Франции, графу Ж. де Кунья 20 июня 1767 г., – не только произвел совершенную перемену в сношениях нашего двора с мадридским, но сделал для нас друзьями врагов наших, а нас, по крайней мере, по всей вероятности, явными врагами друзьями нашим и нашим союзникам”³⁰.

²⁴ АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 299, л. 10–11. То же самое он сообщал и в письме к Голицыну от 23 апреля (4 мая) 1767 г. – Там же, д. 301, л. 24. Об этом писал и французский посол д’Оссун Шуазелью. – *Ferrer Benimeli J.* Op. cit., p. 241.

²⁵ АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 300, с. 60.

²⁶ См. там же, д. 307, л. 48–53.

²⁷ Там же, л. 85–88; *Кареев Н.И.* Указ. соч., т. III, с. 388.

²⁸ АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 307, л. 182–187. Подробно эти переговоры описывает В. Модестов. – *Модестов В.* Указ. соч., с. 61–65. См. также: *Hargreaves-Mawdsley W.N.* Op. cit., p. 118–121.

²⁹ АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 307, л. 259.

³⁰ Цит. по: *Модестов В.* Указ. соч., с. 177.

Подтверждая это, Штакельберг отмечал, что Франция, стремясь тем или иным путем ослабить или изолировать Англию, направила все свои усилия на сближение с Португалией “и употребляет все возможности, чтобы пользоваться большими по коммерции несогласиями между Португалиею и Англиею”³¹. Дипломат называл это сближение не чем иным, как “хитростью со стороны графа Ойраса для умяхчения за обычной против сего двора пышности англичан, что много беспокоит помянутого графа в новых его предприятиях в рассуждении доходов и коммерции”. Тем не менее “поступки французского двора в рассуждении привлечения португальского на свою сторону, весьма потревожили английский двор”, и он “не упустит случая, чтоб установить равновесие против великаго союза, которой час от часу более в полуденных государствах Европы утверждается”³².

Политическое соперничество дополнялось и торговым. В 1767 г. Испания учредила Ост-Индскую компанию для торговли со странами Азии, прежде всего с Филиппинами. Ранее эта торговля осуществлялась только через посредничество Голландии. “Торг пряными зельями тем более для государства принесет пользу, что для великаго того во всех гишпанских владениях расхода покупает оное государство ежегодно у голанцов на 2 млн. пиястров”, – комментировал Штакельберг. Однако, по его мнению, эта прямая торговля вряд ли не будет иметь препятствий, ибо “голанцы имеют владычество в сей коммерции с того времени, как португальцы выгнаты”³³.

Как бы подводя итог первого года своего пребывания в Испании, в одном из последних донесений 1767 г. Штакельберг анализирует состояние международных дел в Европе, уделяя особое внимание системе союзов европейских государств. Он подтверждает предположения, уже высказанные им в предыдущих реляциях, что Франция решила привлечь Португалию к Семейному пакту. Особую активность проявлял в этом вопросе министр иностранных дел Франции герцог Э.Ф. Шуазель, желавший разорвать традиционный союз Португалии и Англии, тем самым ослабив последнюю. Российский дипломат указывал, что в этом вопросе Испания также действует в русле французской политики и даже готова сохранять “чрезвычайное терпение в происходящих ссорах на бразильской и парагвайской границах, внушая стороною португальскому послу о принесении извинения в чинимых там португалцами ей наглостях”. Да и сама Португалия, делал вывод автор донесения, охотно идет навстречу этим заигрываниям, что стало основной причиной разногласий, возникших в торговых отношениях Лондона и Лиссабона³⁴.

Рассуждая далее о взаимоотношениях этих держав, Штакельберг сообщал о распространявшихся в Мадриде слухах, будто бы Португалия все-таки нарушит традиционную систему своих союзов и заменит договор с Англией на аналогичный договор с Испанией. Однако сам он выражал большие сомнения на сей счет. “А какие способы весь бурбонский дом может употребить, когда Англия похочет мстить за то Португалии?” – ведь и Франция, и Испания находятся в состоянии полного упадка.

“Вот почему я, опровергая, Всемогущейшей Государыня, генеральное мнение всей Европы, могу ошибиться, однако за должность себе почел подробно изъяснить оное в. и. в-ву для того, чтобы, сличая все полученные реляции от министров в. и. в-ва при чужестранных дворах, можно было бы видеть достоверное о истине толь предосудительной, как английским, так и португалским интересам отмены в системе между ими установленной”, – писал Штакельберг Екатерине 6 (17) декабря 1767 г.³⁵

Екатерина II внимательно изучала донесения из Мадрида. Французские дипломаты в Европе интриговали против ее политики, снабжая деньгами и оружием польских конфедератов в Баре, подкупая турецких сановников и подстрекая к враждебным выступ-

³¹ АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 299, л. 88–89.

³² Там же, л. 122, 156.

³³ Там же, л. 247.

³⁴ Там же, д. 300, л. 38–39.

³⁵ Там же, л. 41–42.

лениям против России шведского короля³⁶. Начиная с 1767 г. герцог Шуазель открыто выступал с идеей коалиционного нападения на Россию, оказывая военную помощь барской конфедерации и усиливая нажим на турок. Рассчитывавшая на помощь и поддержку Франции, Турция в октябре 1768 г. объявила России войну.

В начале января 1769 г. Штакельберг доносил в Петербург об активизации действий Франции, направленных на подключение Испании к союзу против северных держав. Однако, писал он, “Франция никакой не нашла было в короле гишпанском склонности принять участие в делах северных”, но все-таки сумела уговорить его, и он “послал повеление к обретающемуся в Швеции своему министру Лассио, чтобы он... употреблял бы свои силы к подкреплению намерений двора французского”³⁷.

По этой причине, по мнению российского посланника, в последнее время его, так же как и английского посла Грея, при дворе “теперь принимают так, как бы мы принадлежали к державам таким, с коими скоро будет разрыв”. Особую холодность демонстрировали французский и австрийский послы. Французским послом в Мадриде с 1759 по 1777 г. был маркиз д’Оссун. Через много лет, в 1784 г., Штакельберг, будучи послом в Варшаве, рассказал графу де Сегюру совсем другую историю: “Опытный и добросердечный человек, французский посол в Мадриде граф д’Оссун проникся ко мне и облегчил мой первый успех, поделившись со мной плодами своего опыта. С его помощью я познакомился с наиболее влиятельными людьми при дворе и в обществе настолько близко, что казалось, я прожил в Испании уже 20 лет, и это крайне помогло мне в решении тех задач, которые ставило передо мной правительство... Я всегда помнил о той помощи, которую граф д’Оссун оказал мне”³⁸. Скорее всего, 54-летний Оссун пытался склонить молодого российского дипломата на свою сторону, чтобы в случае необходимости использовать его в своих целях. Необходимости не возникло.

“Я почти уверен, – писал Штакельберг государыне, – что Франция будет пользоваться оказываемой мне холодностью к склонению сего двора (испанского. – *О.В.*) к такому поступку, которой может пресечь продолжающуюся между в. и. в-вом и двором сим корреспонденцию”³⁹. Таким образом, к весне 1769 г. отношения Петербурга и Мадрида, чьи интересы были далеки от “северных дел”, но который был связан Фамильным пактом с Версалем, оказались на грани разрыва. В связи с этим Штакельберг настойчиво просил императрицу отозвать его из Испании. Это была не первая его просьба. Уже в сентябре 1767 г. российский дипломат сообщал в письме к Голицыну: “Маркиз Гримальди придерживается по отношению ко мне той же линии поведения, какая была вначале: не давая мне достаточного повода, чтобы пожаловаться моему двору, он между тем делает мое пребывание здесь невыносимым”⁴⁰.

Весной 1769 г. Екатерина II решила активизировать действия в войне с Турцией. С этой целью из Кронштадта в Средиземное море были отправлены две балтийские эскадры под командованием адмирала Спиридова и контр-адмирала Эльфингстона. По мнению Е.В. Тарле, после подобного демарша “можно было опасаться внезапных нападений со стороны французского и испанского флота... но Шуазель не имел политической возможности это сделать: во-первых, мешали ему англичане, во-вторых, затевать новую большую войну не позволяли финансы”⁴¹. Еще в меньшей степени финансы позволяли

³⁶ Соловьев С.М. История падения Польши. – Соловьев С.М. Соч., кн. XVI. М., 1995, с. 14–15.

³⁷ АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 313, л. 16, 40. Об этом же Штакельберг писал и в донесении Панину, не забыв добавить пикантную подробность – противодействие Карла III было отчасти вызвано его неодобрением амурных дел Людовика XV с мадам Дюбарри. – Там же, д. 315, л. 1–2.

³⁸ Memoirs and Recollections of Count Segur, v. 2, p. 144–145.

³⁹ АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 313, л. 41.

⁴⁰ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 1263. Голицыны, оп. 1, д. 3340, л. 17–20.

⁴¹ Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг (1769–1774). – Тарле Е.В. Собр. соч. в 12 т., т. 10. М., 1959, с. 17.

вступать в конфликт Испании. В конце июля 1769 г. Панин информировал Штакельберга об отправке эскадр. На случай непредвиденного захода одного из кораблей эскадры в испанский порт посланнику предписывалось просить дозволения Карла III на прием судна. Панин писал: “Вам не следует сообщать ничего о планах нашей морской экспедиции: подождите, пока первым заговорит об этом испанский министр”⁴².

В сентябре о намерении Екатерины отправить русскую эскадру в Средиземное море узнали в Мадриде. Гримальди отнесся к этому известию сначала без должного внимания, проявляя, так же как и Карл III, “совершенную беспечность о делах северных”. Гримальди ограничился рассуждениями о том, что отправленная поздней осенью эскадра дойдет к месту назначения нескоро, а за это время “провеет еще много ветров”. Он даже не стал спрашивать российского посланника о цели и маршруте эскадры. “Г-н Гримальди, – отмечал Штакельберг, – не только не заводит об этом со мной разговор, но даже не упоминает в моем присутствии о наших военных операциях вообще, не позволяя, чтобы они стали темой общих бесед на приемах”⁴³. Серьезность намерений русских Гримальди почувствовал только тогда, когда получил письмо с предупреждениями от Шуазеля, который, собственно, и направлял политику испанского правительства в этом вопросе.

Прохождением русской эскадры мимо берегов Испании и Португалии, считал Штакельберг, можно было бы воспользоваться, чтобы продвинуть российские интересы в этой части Европы. “Независимо от непосредственной пользы, – писал он, – которую эта экспедиция будет иметь для хода войны, она станет ударом грома для тех, которые ее разжигали, и достойным восхищения политическим жестом не только для того, чтобы приободрить Англию и дать ей возможность говорить более твердым голосом, но также и навести страх на Францию, а особенно на Испанию”.

Российский посланник пытался “приободрить” Англию и тем, что Россия может заключить союз с Португалией: “Лишь одна видимость этого способствовала бы тому, чтобы бурбонский дом возжелал достижения мира путем переговоров именно в тот момент, когда он полон недоверия по отношению к венскому двору, особенно после установления им взаимопонимания с берлинским”. По мнению Штакельберга, “Англия никогда не нападет на Испанию в Америке, но может совершить высадку в Португалию и завоевать общими силами Андалусию, чтобы присоединить ее к этому королевству. Можете представить себе, какой эффект произведет в Испании даже мысль о том, что однажды русские эскадры смогут объединиться с английским флотом, чтобы выполнить столь опасный, но реальный план”. Это понимал и маркиз Гримальди. Он считал невозможным, чтобы эскадра остановилась на зиму в Лиссабоне, и заявлял, что “буде же англичане, вопреки имеющимся обрядам захотят, чтоб они пробыли в Гибралтаре, то таковой поступок может подать повод к всеобщей войне”⁴⁴.

Вопреки надеждам бурбонских держав Португалия согласилась на прием русской эскадры, тем самым окончательно определив свое отношение к попыткам Франции втянуть ее в орбиту своей политики. Маркиз де Помбал заявил, что он готов содействовать созданию противовеса Фамильному пакту, который станет опасным для всей Европы, если другие великие державы не начнут загодя “строить плотины против этого потока”, и приказал передать российскому посланнику, что будет “всеми мерами способствовать и чинить то, что от союзнейшего двора ожидать можно”. Далее российский посланник добавил: “Он окончил свои обнадеживания таким объявлением, коего и подлинно сильнее в Португалии сказать не могут, а имянно, он объявил, что российские корабли принимаемы будут, как аглицкие”⁴⁵.

Успехи русской армии в войне с турками вновь подхлестнули французскую дипломатию. В Мадрид один за другим стали наведываться курьеры от герцога

⁴² АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 316, л. 7–9.

⁴³ Там же, д. 315, л. 32.

⁴⁴ Там же, д. 314, л. 64–65; д. 315, л. 34–35.

⁴⁵ Там же, д. 314, л. 95–96; д. 315, л. 39.

де Шуазеля. Основная линия, которую выработали оба правительства, состояла в том, чтобы не дать русской эскадре возможность перезимовать в одном из портов Средиземного моря⁴⁶.

В октябре 1769 г. российские корабли покинули Англию. 22 ноября пять из них достигли Гибралтара и, поскольку испанское правительство запретило входить в испанские порты более чем трем военным кораблям, направились к порту Маон, находящемуся на острове Менорка и принадлежавшему в то время Англии. В январе 1770 г. к ним присоединились и остальные корабли во главе с адмиралом Спиридовым. Франция в ответ на это начала собирать флот в Тулоне, желая, как с иронией замечал Штакельберг, “делать грозной вид в. и. в-ва эскадрам”. Однако, продолжал он, “никто тому не верит, ибо версальской двор вместо того, чтобы желать в будущем лете походов, боится оных”. Испания же, считал дипломат, вынужденная по настоянию Франции включиться в ее антироссийскую политику, уже начала тяготиться этой зависимостью, и, как писал он в своем донесении, на одном из приемов в самом конце 1769 г. Гримальди заявил французскому послу: “Признайтесь, что вы сделали весьма худое дело – воспламенили войну сию. И, если второй россиян поход будет подобен первому, в каком тогда состоянии будет держава сия?”⁴⁷.

После взятия русскими войсками турецкой крепости Хотин Штакельберг первым нарушил обет молчания, установленный маркизом де Гримальди, сообщив ему на большом приеме о победе русских войск, на что тот ответил “по секрету дружественным тоном”, что “мы ждем со дня на день известия о том, что турки на коленях будут просить у вас мира”. Сославшись на дружбу, которая “между нашими державами существует”, Гримальди сказал посланнику, что “активность г-на Шуазеля уже всем порядком надоела”⁴⁸. Подобного мнения придерживался и Карл III, испытывавший неприязнь ко всему, что послужило началом к войне и впутало его, пусть косвенно, в северные дела. “Эти настроения в Мадриде растут день ото дня, несмотря на уверения Франции, что вся Европа выступит против России, как только узнает о ее победах в европейских владениях Османской империи”, – заключал Штакельберг свои размышления о позиции Испании в отношении русско-турецкой войны⁴⁹.

В январе 1770 г. из Мадрида в Петербург поступило сообщение, что вторая эскадра под командованием Эльфингстона прошла Гибралтар, а в марте за ней проследовали еще четыре русских военных корабля⁵⁰. В конце апреля Штакельберг докладывал, что испанское правительство весьма обеспокоено ходом военных действий. По его мнению, Порта собирается обратиться к России с просьбой о мире, причем этот вопрос не только согласован с Францией, но и инициирован ею. “Мир, – писал он, – поставляют таким делом, которое непременно совершиться должно, говоря, что вся Европа востревожится и вооружится, ежели оной принят не будет”⁵¹.

В мае 1770 г. мадридский двор узнал о начале нового наступления русских войск. Это привело его в еще большее уныние. Гримальди вынужден был публично заявить, что отоманской власти в Европе пришел конец. Успехи русских войск способствовали тому, что испанский двор стал все больше дистанцироваться от позиции Франции.

Одновременно осложнились отношения фамильных держав с Англией. Испания оказалась втянутой в конфликт, который заставил ее надолго забыть о взаимоотношениях России и Турции и оставить Францию поддерживать Порту в одиночестве. Причиной конфликта стали лежащие на расстоянии в десятки тысяч километров как от Испании, так и от Англии, Фолклендские (Мальвинские) острова. Расположенные в южной части

⁴⁶ Там же, д. 314, л. 82–83.

⁴⁷ Там же, л. 163–164.

⁴⁸ Там же, д. 315, л. 42. Здесь же посланник еще раз подчеркивает, что “Гримальди всегда с безразличием относился к проблемам северных держав”.

⁴⁹ Там же, д. 322, л. 1–2.

⁵⁰ Там же, д. 323, л. 72.

⁵¹ Там же, л. 84.

Атлантики, они имели огромное значение со стратегической точки зрения и являлись спорной территорией Испании и Англии⁵².

Отношения двух стран по этому вопросу обострились после того, как осенью 1768 г. Карл III направил губернатору Буэнос-Айреса Букарелли приказ изгнать с островов находившийся там небольшой английский гарнизон. В ответ весной 1770 г. английский кабинет У. Пита-старшего решил начать военные действия, к которым Испания была совершенно не готова. Как докладывал Штакельберг, новости о приготовлениях Англии “сильно испугали двор здешней”, тем более что Португалия все более явно дистанцировалась от Испании⁵³. Испания начала вооружать военную эскадру в Ферроле, хотя и надеялась, что англичане ограничатся лишь угрозами. А в случае, если война все-таки начнется, Мадрид рассчитывал на поддержку Франции, которая вступит в нее в силу фамильного договора⁵⁴.

Не объявляя войны Испании, Англия, тем не менее, заявила, что “не хочет слышать о примирении... если дела не будут приведены опять в то же состояние, в коем они до экспедиции были”. Франция отказалась поддержать союзницу, и Испания, оставшись в одиночестве, вынуждена была согласиться на ультиматум англичан. Переговоры Масерано в Лондоне продвигались с большим трудом, и Мадрид продолжал вооружение армии.

В начале ноября из Лондона наконец пришел ответ на предложения испанского двора. Претензии англичан были высказаны в достаточно категоричной форме. Гримальди с подачи Шуазеля согласился на этот ультиматум, но тут против выступил его постоянный противник Аранда, заявивший, что этот вопрос можно решить только силой⁵⁵. “Настоящий кризис и действия Франции, – писал Штакельберг, – разрушают все иллюзии насчет Фамильного пакта”⁵⁶. По-видимому, позиция Аранды была более близка и испанскому королю, потому что в декабре 1770 г. на острове Майорка были вооружены 16 тыс. человек⁵⁷.

Позиция Аранды в целом устраивала Россию. Во-первых, военные действия на Мальвинах лишили бы испанский и французский флот возможности вмешиваться в средиземноморские дела. А во-вторых, эта война, по выражению Штакельберга, привела бы к тому, что “отсюда через год не будет флота ни во Франции, ни в Гишпани”⁵⁸. Но пока война не началась, концентрация испанского флота в Средиземном море могла привести к нежелательным для России последствиям, а потому командующему русской эскадрой было послано предупреждение, чтобы он принял надлежащие меры⁵⁸.

Отношения между Испанией и Англией накалились до предела в самом конце 1770 г. В зашифрованном донесении Панину Штакельберг писал: “Король, как, впрочем, и вся Испания, считает войну с Англией столь же близкой, сколь неизбежной. Но Франция в очередной раз поставила эту уверенность под вопрос: она не прекращает усилий по предотвращению войны. Происходят примечательные события в политике века – г-н де Шуазель действует так, как будто он возглавляет английское министерство, борясь против Испании и отвергая доводы, защищающие ее честь”. Подобное поведение Шуазеля

---

⁵² *Goebel J.-Jr. The Struggle for the Falkland Islands. A Study in Legal and Diplomatic History. New Haven, 1927; Gil Munilla O. Malvinas. El conflicto anglo-español de 1770. Sevilla, 1948; Hidalgo Nieto M. La cuestión de Malvinas. Contribución al estudio de las relaciones hispano-inglesas en el siglo XVIII. Madrid, 1947.*

⁵³ АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 323, л. 67.

⁵⁴ См. Там же, л. 148–149, 156, 159.

⁵⁵ Там же, д. 313, л. 184. Паласио Атард называл Мальвинский кризис «концом “медового месяца” Фамильного пакта». – *Palacio Atard V. La España del siglo XVIII. El siglo de las reformas. Madrid, 1978, p.128.* Такой же точки зрения придерживается и Харгривс-Модсли. – *Hargreaves-Mawdsley W.N. Op. cit., p. 123.*

⁵⁶ АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 322, л. 27–28.

⁵⁷ Там же, д. 323, л. 206.

⁵⁸ Там же, л. 185, 207.

крайне озадачило Гримальди, который вел себя, по словам российского дипломата, как “покойный Дон Кихот, неизвестно кому вверивший свою душу”⁵⁹.

Последовавшее вскоре падение Шуазеля привело к осложнениям между державами-союзницами и, как следствие, определило отношения с Англией. Накануне Нового года Испания разорвала с ней дипломатические отношения. Однако до военных действий так и не дошло. Французский двор после отставки Шуазеля настойчиво рекомендовал Мадриду прийти к соглашению с Англией, и в конце января Испания отменила свое решение по Мальвинам.

Падение Шуазеля оказало заметное влияние и на изменение расстановки сил при мадридском дворе. Еще в мае 1767 г. российский посланник писал о полной зависимости Гримальди от французского министра: “Все дела он решает непосредственно с г-ном Шуазелем, который из своего кабинета в Версале отдает указания Мадриду. Нация начинает все больше и больше терять терпение”⁶⁰. Отставка Шуазеля и назначение на пост министра иностранных дел Франции герцога Эгильона заметно подорвали позиции Гримальди, однако он удержался у власти благодаря поддержке Карла III, полностью доверявшего своему министру.

Характеризуя Гримальди как хитрого придворного, Штакельберг писал: “Гримальди... зная нрав королевской, не подавал никогда совета, но всегда представлял свои проекты, показывая дело только просто и чрез полчаса времени по возвращении с королевской охоты... Г-н Гримальди только говорит, что он имеет всегда нужду в просвещенных разсуждениях е. в-ва. Никакой государь так не обманывался и в совершенной безопасности не был, как король гишпанской”⁶¹.

Вместе с тем при дворе усиливалось влияние противника Гримальди графа Аранды, которого Штакельберг оценивал очень высоко. “Этот человек без всяких преувеличений является опорой монархии, которая без него пережила бы революцию, какой еще не было в нынешнем веке, – отмечал российский посланник в письме Голицыну в декабре 1767 г. – Многочисленные и могущественные друзья иезуитов, с одной стороны, и недовольство и зависть грандов – с другой, вызвали бы взрыв всеобщей ненависти против короля, если бы кредит доверия и неустанная бдительность Президента (Кастильского совета, Аранды. – *О.В.*) не смогли предупредить пожар и если бы его заинтересованность в собственном могуществе не заставляла его продлевать эпоху, столь блестящую для него. У графа есть еще одна страсть, оказывающая влияние на его поступки: желание исправить тот ущерб, который нанесло его славе командование армией в войне против португальцев. Он хочет завоевать Португалию, и для этого ему нужна система нынешней власти, на которую столь сильное влияние оказывает личная ненависть короля к англичанам, несчастья последней войны и давление французов”⁶².

В другом, зашифрованном донесении Голицыну он дополняет характеристику Аранды: “Его вспыльчивость не позволила ему записаться в Пармский колледж и привела в армию, несмотря на протесты семьи. Она всегда настолько управляла им во всех его действиях, что испанцы затрепетали, когда король сделал его первым лицом в государстве. Однако все сделали неправильный вывод. Г-н Аранда после своего возвышения превратился из одного из наиболее неосмотрительных в одного из самых скрытных людей... Я полагаю, он не замедлит добиться удаления Гримальди. Необходимо лишь время, чтобы перебороть привычку и слабость короля к этому человеку. Ведь ни для кого не секрет, что все здравомыслящие испанцы жалуются на то, что Испания из союзницы превратилась в рабыню Франции”⁶³.

⁵⁹ Там же, д. 322, л. 33.

⁶⁰ Там же, д. 301, л. 24.

⁶¹ Там же, д. 299, л. 193–194. Так Штакельберг писал Екатерине II, а в письме к Голицыну он добавлял: “Его, как никогда, ненавидит вся эта нация в целом”. – РГАДА, ф. 1263. Голицыны, оп. 1, д. 3340, л. 7–20.

⁶² АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 299, л. 70–71.

⁶³ Там же, д. 301, л. 64–65.

Штакельберг не только анализировал положение при дворе и политику испанского правительства, что, конечно же, интересовало Петербург в первую очередь, но и, выполняя поручение государыни “познать все области тамошняго края Европы”, время от времени составлял пространные отчеты о современном ему состоянии Испании, ее экономике, образу жизни испанцев, реформам, которые проводил Карл III. Эти отчеты, написанные хорошим литературным языком, с характеристиками точными и часто довольно резкими, в равной степени отражают как атмосферу испанского общества середины XVIII в., так и характер самого дипломата – человека настойчивого, честолюбивого и язвительного.

“В этой стране, – писал Штакельберг, – нет ни сельского хозяйства, ни промышленности, не развиты ни местная торговля, ни внутренний рынок в целом. Здесь землю не орошают реки, не построены каналы, а основные дороги не заслуживают, чтобы их так называли. Мадрид расположен в пустыне: охоты, устраиваемые королем, превращают Кастилию, и без того опустошенную провинцию, в еще менее плодородную и населенную. На зерно установлены непомерные цены, которые увеличиваются еще больше по мере того, как разрушаются дороги и дорожает транспорт. Дороги всегда находятся в таком состоянии, потому что нет рек, а число лошадей и мулов не может быть высоким в стране, где не развиты сельское хозяйство и торговля, а преобладает в основном овцеводство и где по непонятной причине все пригодные для земледелия участки земли не огораживаются, а используются в качестве пастбищ. По-видимому, они предпочитают шерсть хлебу. Отсюда рабочая сила здесь слишком дорогая: содержание одного лакея обходится дороже, чем двух камердинеров у нас”⁶⁴.

Заметим, что и испанские дипломаты того времени давали России нелицеприятную оценку. Так, М. Делитала, занимавший в те годы пост поверенного в делах Испании в Петербурге, писал Гримальди: “Это государство является парадоксом для Европы. Победители на море и на суше без кораблей и армии... они тратят огромные суммы денег, тогда как в обращении только бумажные... и, наконец, с пылом готовятся к новой кампании, не будучи в состоянии ни одеть, ни накормить армию”⁶⁵.

Не все в Испании вызывало пессимизм Штакельберга. Он часто упоминал о реформах, которые начали проводить под покровительством Карла III, писал о совершенствовании налоговой и административной системы⁶⁶ и о падении влияния инквизиции: “Уже инквизиция не такова, какова прежде была, и я думаю, что гишпанцам позволяют мыслить и говорить, хотя б только в досаду духовенству”⁶⁷.

В посланиях Штакельберга часто звучит вопрос личного, меркантильного, характера. Определив его в Мадрид, Екатерина назначила ему жалованье в 6 тыс. рублей, а не в 10 тыс., как его предшественникам П.А. Бутурлину или П.И. Репнину. Не будучи человеком столь же состоятельным, Штакельберг уже из Парижа писал о своих денежных затруднениях⁶⁸. На эти жалобы Голицын отвечал ему: “Мне нечего возразить на Ваши замечания относительно дороговизны в стране Вашего пребывания и о том, что Вам приходится очень обдуманно и экономно расходовать деньги. Я, конечно, хотел бы, чтобы Вам не приходилось вести все эти подсчеты, но первое время всегда приходится бояться расходов на устройство, и к тому же, когда е. в-во имп-ца убедится в пользе Вашей миссии и в необходимости предоставить Вам те же льготы, что и Вашим предшественникам, уверен, она увеличит ваше жалованье”⁶⁹.

Вопрос о деньгах российский посланник поднял и в письме от 1(12) июля 1768 г., где сообщал, что вместо ожидаемой прибавки к жалованью и “облегчения участи” он

⁶⁴ Там же, л. 50.

⁶⁵ Archivo Historico Nacional. Estado, leg. 6115, № 12.

⁶⁶ Подробнее о его оценке реформ см. *Волосюк О.В.* Просвещенный абсолютизм Карла III в Испании и Испанской Америке. – Вестник РУДН, серия “История, философия”, 1993, № 1.

⁶⁷ АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 300, л. 16–17.

⁶⁸ Там же, д. 292, л. 13.

⁶⁹ Об этом же Голицын информировал его и в своем следующем письме от 26 декабря 1766 г. – РГАДА, ф. 1263. Голицыны, оп. 1, ч. 3, д. 5404, л. 4–5.

за полгода не получил даже того, что установлено при назначении. “Вот, что приводит меня на грань разорения и вынуждает просить Вас о моем отзыве, – писал он в Петербург. – Только это может спасти осколки моего небольшого состояния, половину которого я здесь уже потерял”. Через два месяца в письме Панину он вновь повторил свою просьбу, и теперь это уже был настоящий крик души: “Вспомните, пожалуйста, что уже три года, как я назначен, и два года, как долги мои растут, а за это время я получил на 20 тыс. рублей меньше, чем г-н Бутурлин, который, кстати, разорился тоже. Может, настало время положить конец моим несчастьям, о которых я сообщал Вам слишком часто? Но, клянусь, я ничего не преувеличивал! Если Вы хотите отвести меня от края пропасти, прошу Вас дать указания, которые позволили бы мне хоть здесь существовать”⁷⁰. Однако выплата жалованья задерживалась, и в апреле следующего года Штакельберг снова напомнил Панину о своем безденежье⁷¹.

В конце концов Екатерина распорядилась увеличить жалованье посланнику на 2 тыс. рублей, но он все равно просил отозвать его из Испании, мотивируя свою просьбу тем, что жена его больна, а дети подросли и он хотел бы отправить их в Ливонию для получения образования, поскольку в Испании получить достойное образование невозможно⁷². Кроме того, присутствия на родине требовало судебное дело, касавшееся старой тяжбы его отца.

Настойчивые просьбы дипломата о возвращении в Россию рассердили Панина, и летом 1770 г. он отказал ему. В начале 1771 г. Штакельберг снова начал бомбардировать Петербург просьбами, теперь уже о предоставлении отпуска. Последняя такая реляция была составлена в начале апреля. В России уже приняли решение по его делу, и депешей из коллегии по иностранным делам сообщили, что “тишина, установившаяся между испанским и английским двором”, позволяет сделать перерыв в донесениях и он может приехать в Петербург. Панин также сообщал по секрету, что Штакельбергу собираются пожаловать звание камергера. Официальную депешу об этом посланник получил в мае 1771 г., перед самым отъездом из Мадрида.

24 мая 1771 г. Штакельберг с семьей отбыл из столицы Испании. Дорога домой заняла у него гораздо меньше времени, хотя, когда в августе он достиг границы Бранденбурга, с ним произошло недоразумение, сильно задержавшее его в пути. По выражению самого дипломата, это событие “займет видное место в попытках нарушения международного права”. На пограничной станции у Штакельберга попытались конфисковать табак, считавшийся контрабандой, который он вез императрице и Панину, и потребовали заплатить штраф. После долгих препирательств с местными властями ему разрешили отправить курьера к российскому посланнику в Берлине, а самому доехать до Франкфурта, однако без людей и экипажей. Во Франкфурте дипломат вынужден был коротать дни с детьми и женой в грязной, но “по-прусски дорогой” харчевне. Лишь спустя неделю по повелению из Берлина арест с имущества Штакельберга был снят, и он смог продолжить свой путь. “Мне нанесли оскорбление, подобное которому трудно представить даже в Турции”, – с возмущением замечал он⁷³.

В ВАРШАВЕ И СТОКГОЛЬМЕ

В сентябре 1771 г. Штакельберг прибыл в Россию. Здесь большую часть времени он проводил при дворе, часто в обществе императрицы, которая, похоже, не отказывала в симпатии миловидному и острому на язык дипломату. Честолюбивый, уже достаточно искусственный в тонкостях дипломатических и придворных интриг, Штакельберг, не же-

⁷⁰ АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 308, л. 23, 26.

⁷¹ Там же, д. 315, л. 10–11. На одном из таких донесений вице-канцлер сделал помету: “Мы в Коллегии крайний недостаток в деньгах претерпеваем, и теперь способа не имеем всех министров удовлетворить”. – СИРИО, т. 97. СПб., 1896, с. 258.

⁷² АВПРИ, ф. Сношения России с Испанией, оп. 58, д. 322, л. 24.

⁷³ Там же, д. 325, л. 49–55.

лая возвращаться в Испанию, добивался перевода на более престижное место службы. Сначала его определили в Стокгольм, а потом по совету прусского короля Фридриха II отправили полномочным посланником в Польшу. Прусский посланник в Петербурге граф В.-Ф. Сольмс, информируя об этом назначении Фридриха, писал, что при дворе императрицы “сознают необходимость иметь в Польше человека вполне светского, обладающего кротким и уживчивым характером, который был бы этим в состоянии заслужить дружбу и доверие поляков. Граф Панин полагает, что нашел все эти качества в г-не Штакельберге, и, действительно, думаю, что нельзя было сделать лучшего выбора: я считаю его неспособным к дурному обращению с поляками”⁷⁴.

Примерно то же самое сообщал своему двору и английский посланник: “Так как здесь ничего не делается без совета короля прусского, то лицо, назначенное на место г-на Сальдерна, было избрано согласно с его мнением, ибо его (Штакельберга. – *О.В.*) гибкий и применяющийся к обстоятельствам характер, по словам его прусского величества, идет к этому посту более, чем характер его предшественника”⁷⁵.

В инструкции Штакельбергу, подписанной 11 августа, объяснялись причины участия России в разделе польских владений. Венский двор, говорилось в документе, находится “в тесном союзе с Франциею, которой политика, всегда противоборствующая политике Российской... умножала и подкрепляла польские мятежи, подавая ей (*Польше. – О.В.*) явное вспоможение людьми и деньгами, а воплями своими и интригами, подкрепляемыми знатными суммами, привлекла Порту объявить войну России”. Подчинившись влиянию Франции, венский двор, “не прикрывая никаким правом или предложением своих поступков, вступил во владения земли Ципс”. В ответ на это Петербург и Берлин должны были либо начать войну с Австрией, либо поступить так же, как Вена, т.е. предъявить свои претензии на польские земли. Императрица, отмечалось далее в документе, “не долженствовала долго колебаться в своем решении”. Новая война с державой, граничащей с Польшей на таком большом расстоянии, могла послужить поводом для польских возмущений и таким образом отложить умиротворение в Польше на все время этой войны. “Другая мера вопреки, – согласно тексту инструкции, – представляла дружественное стечение трех держав по усмирению Польши, разобранье всех предметов, кои рано или поздно могли произвести войну между одною или другою из них с Польшею, назначение вновь границ сей последней и через то существование сходственнейшее с собственною ея конституциею, равно как и с интересом ея соседей; наконец, что всего важнее, соблюдение тишины в сей части Европы”⁷⁶.

2 сентября 1772 г. новый российский посланник барон Штакельберг прибыл в Варшаву. 8 сентября вместе с прусским послом Бенуа он официально известил короля Станислава-Августа Понятовского о состоявшемся 25 июля 1772 г. соглашении между Россией, Пруссией и Австрией о разделе Польши. Не желавший верить этому, польский король пришел в смятение. Он собирал приближенных, просил помощи в Лондоне и Париже, писал Екатерине, встречался со Штакельбергом и Бенуа. 14 октября Штакельберг доносил из Варшавы, что “король делает по своему обыкновению заявления, порочащие Россию, и в то же время пытается убедить представителей шляхты, которых собрал из окрестностей Варшавы, что императрица согласна поддержать конфедерацию против раздела”⁷⁷. Но попытки Польши сопротивляться разделу были обречены на неудачу.

Несмотря ни на что, Штакельберг добился признания Декларации держав и утверждения относившегося к ней договора. В апреле 1773 г. начал свою работу сейм, была

---

⁷⁴ СИРИО. Т. 72. Дипломатическая переписка Фридриха II с графом Сольмсом, посланником при русском дворе. СПб., 1891, с. 198. Документы о назначении Штакельберга см. СИРИО. Т. 118. Дипломатическая переписка императрицы Екатерины II, 1772–1773. СПб, 1904, с. 173–174, 176–190, 206–207.

⁷⁵ Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен, т. 28. М., 1998, с. 198–199.

⁷⁶ Цит. по: *Стегний П.В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002, с. 578–579.

⁷⁷ АВПРИ, ф. Сношения России с Польшей, оп. 79/6, д. 1024, л. 76.

созвана комиссия для переговоров с послами трех держав, и в августе–сентябре 1773 г. были подписаны договоры с Австрией, Россией и Пруссией. 30 сентября сейм утвердил договоры о разделе, а 8 ноября Станислав-Август ратифицировал их. В эти дни Панин писал Штакельбергу: “Я чувствую, как трудно устроить это дело так, чтобы все остались довольными. Основная Ваша цель, однако, состоит в том, чтобы избавить Ваш двор от любого обязательства в отношении каких-либо особых затрат в настоящее время... Если все-таки Вы не будете иметь определенных инструкций по какому-нибудь пункту, договаривайтесь с Вашими коллегами, пусть они говорят первыми, следуйте их советам, а в Ваших депешах сюда показывайте, что вынуждены были принять самостоятельное решение только в силу необходимости покончить с делами в соответствии с духом Ваших инструкций. В целом, однако, на этом заключительном этапе я хотел бы, чтобы оба Ваших коллеги шли впереди Вас или, в крайнем случае, вы все трое играли бы абсолютно равные роли”⁷⁸.

В то время, когда шли переговоры с Польшей, Россия 10 (21) июля 1774 г. подписала Кючук-Кайнарджийский мирный договор с Турцией, который подвел итоги второй русско-турецкой войны. “В это славнейшее для России время” Штакельберг посылает из Варшавы поздравление императрице. Это – высочайший образец придворной лести и одновременно попытка перейти с императрицей на новый, более доверительный уровень отношений. “Мне должно изъяснить Вам радость мою заочно, мне, носящему на синем кафтане своем воротник из материи Вашего платья, а в сердце глубокое чувство Вашей славы! Как весело называться Вашим подданным!.. Вот мир... который делает бессмертным имя России вместе с Вашим. Для дел ЕКАТЕРИНЫ нет Историка. Бедный старик Вольтер! – восклицает дипломат и продолжает в том же подобострастном стиле: – Какой пример для Вашего Сына! Я говорю несвязно: но таково сердце!”. Оценивая реакцию поляков на заключение русско-турецкого договора, он заключает: “Многие из них нахмурились. Но... я заставлю их плясать так же, как Ваше Величество заставите плясать всю Европу по воле Своей”⁷⁹.

На этот “букет лести” Екатерина ответила собственноручно. “Письмо Ваше от 22 июля доказывает мне, что Вы, как доброй и ревностной патриот, берете участие в удовольствии моем, – писала она Штакельбергу 5 (16) августа. – ...Несколько дней назад после приезда графа Румянцева, который привез эту новость, я видела в Ораниенбауме весь дипломатической корпус; действительно веселы были только английский и датский посланники; австрийский и прусский были немного грустнее. Ваш друг Браницкий поражен своей вытянутой физиономией. Испания имела смущенный вид. Франция, огорченная, задумчивая, прохаживалась одна, скрестив на груди руки. Швеция лишилась аппетита и сна... Мир так славно говорит сам за себя, что мне и незачем было о нем распространяться”⁸⁰.

Подписание мира с турками облегчило положение России на переговорах с Польшей. Через полтора года 4 (15) апреля 1775 г. был подписан русско-польский союзный трактат, который объявлял Россию единственным гарантом фундаментальных законов Польши и ее государственного устройства.

Своей активной деятельностью в Варшаве Штакельберг навлек на себя ненависть польских патриотов, перешедших в оппозицию к королю, который стараниями Штакельбера попал в полную зависимость от России⁸¹. “В тот момент, когда я прибыл в Варшаву, – вспоминал в своих мемуарах граф Сегюр, – король правил раздробленной страной и униженной нацией, вернее сказать, страной правила Екатерина. Ее посол, граф Штакельберг, не считал необходимым даже сколько-нибудь прикрывать ту неограниченную власть, которую имел. Станислав обладал только титулом короля; он подчинялся приказам, которые его могущественная покровитель-

⁷⁸ Цит. по: *Стегний П.В.* Указ. соч., с. 157–158.

⁷⁹ Русская старина, т. III, февраль 1871, с. 314.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ *Соловьев С.М.* История падения Польши, с. 495–496.

ница диктовала ему, а двор посла был более блистательным и многочисленным, чем королевский...

Это был опытный и умный человек. Императрица, доверив ему столь деликатную миссию, выказывала этим ему свое полное доверие, которое вместе с рангом посла превращало его в губернатора Польши... Могущество его не имело границ, но по доброте душевной он не злоупотреблял им: он не разрушал эту несчастную нацию, но и не давал ей процветать; оставлял ее беспомощной, поощрял ее раздробленность и способствовал поддержанию состояния анархии⁸².

А вот что в своих мемуарах писал о Штакельберге сам польский король: “И его склад ума, и словесное выражение его личности словно принадлежали французскому придворному. Он хорошо и легко писал и вообще был искусен во многом – до определенных пределов. Прекрасно владея салонным жаргоном, он уже вскоре имел успех у женщин, на чем нередко основывал проекты новых побед; когда же проекты эти не удавались, он считал себя вправе ненавидеть и мстить. Влияние того же кокетливого духа сказывалось и на общении Штакельберга с мужчинами, вплоть до отношений сугубо деловых. Стремясь повсюду главенствовать – и как человек светский, и как ловкий политик, – он занял в Польше положение, льстившее его самолюбию”⁸³.

За свою деятельность в Варшаве Штакельберг получил ранг действительного тайного советника, а 23 июня 1775 г. был удостоен ордена Св. Александра Невского⁸⁴. В то же время он во многом способствовал сближению России со Священной Римской империей, и в том же 1775 г. император Иосиф II возвел его в графское достоинство Священной Римской империи.

Увенчанный лаврами, в январе 1776 г. Штакельберг возвратился в Петербург. Предавая прелестям светской жизни, участвуя в многочисленных дворцовых приемах, обедах, развлечениях, он пробыл при дворе около трех месяцев, а в марте снова отправился в Польшу.

Известный русский писатель и дипломат Д.И. Фонвизин, проезжавший в сентябре 1777 г. через Варшаву, так описывал встречу с ним в письмах к сестре и к другу, дипломату Я.И. Булгакову, служившему до 1775 г. в посольстве в Варшаве и хорошо знавшему Штакельберга: “Посол наш на другой день нашего приезда позвал нас обедать, и мы у него со всею Варшавою познакомились... Невозможно более оказать учтивостей, как нам все здесь показывают... Он оффрировал нам дом свой так, чтоб мы его за наш собственный почитали. По приезде королевском в первый куртаг посол ему меня представил”⁸⁵.

После раздела Польши в 1772 г. началась борьба короля с оппозицией. Во главе ее стояли князь Адам Чарторыйский и великий гетман коронный Франц-Ксаверий Браницкий. Последний, желавший играть главную роль в стране, то и дело сталкивался с Постоянным советом, военная комиссия которого ограничивала власть гетмана над войском. Штакельберг поддерживал Постоянный совет. Зародившаяся на этой почве ненависть Браницкого к Штакельбергу подвигла гетмана на то, чтобы отправиться в Петербург и просить об отзыве “неудобного” посла. Браницкий рассчитывал на поддержку Потемкина: тот враждовал с Паниным, а Панин покровительствовал Штакельбергу.

В Варшаве Штакельберг решал не только польские дела. Памятуя о том, что, находясь в Испании, он стал большим знатоком иезуитского вопроса, императрица информировала его о своих решениях относительно иезуитских школ в Белоруссии, которые теперь входили в компетенцию Штакельберга. Когда в 1778 г. папа Клемент XIV издал буллу об уничтожении ордена иезуитов во всех христианских государствах, Екатерина

⁸² Memoires and Recollections of Count Segur, v. 2, p. 136, 138, 139.

⁸³ Memoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski. St. Petersburg – Leningrad, 1914–1924, p. 12–13.

⁸⁴ Бантыш-Каменский Н.Н. Списки кавалерам российских императорских орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны с учреждения до установления в 1797 году орденского капитула. М., 2005, с. 223.

⁸⁵ Фонвизин Д.И. Собр. соч. в 2 т. М.–Л., 1959; т. 2, с. 415–416, 491.

направила в Варшаву свои распоряжения по этому вопросу. “Что касается иезуитов, – писала она Штакельбергу, – то всякий раз, когда нунций будет говорить Вам о желании папы обнародовать у меня буллу, которую вынудил у него испанский король, Вы объявите ему от моего имени, что мое искреннее желание состоит в том, чтобы он оставил в покое мои белорусские школы. То, что по требованию самого короля полезно в Испании, не годится у меня, потому что на то нет моего согласия. Король Фридрих Вильгельм II приказал закрыть в Пруссии школы, устроенные иезуитами при предшественнике его, Фридрихе Великом. Пример короля прусского для меня не закон. Если он уничтожил свои школы, то на это была его воля; я желаю, чтобы они существовали. Если нунций будет говорить Вам об отлучении от церкви, то Вы ему напомните, что такие действия с самых непросвещенных времен порождали раскол и ересь; впрочем, они могут делать, что хотят”⁸⁶.

В 1787 г. Екатерина II запланировала путешествие в Тавриду с целью продемонстрировать европейским монархам и дипломатическому корпусу успехи своей политики в Северном Причерноморье. Станислав-Август, которому польское государственное право не позволяло выезжать за пределы королевства без особого разрешения сейма, решил воспользоваться путешествием императрицы, чтобы обсудить с ней отношения двух стран⁸⁷. На его прошение, переданное через Штакельберга, Екатерина ответила, что единственной возможностью для свидания может быть приезд польского короля во время ее плавания по Днепру на галеру против Трехмирева или Канева, где ее суда могут “для обеда или отдохновения остановиться на несколько часов”. Самому же графу Штакельбергу милостиво было позволено приехать в Киев, что он с радостью и сделал.

Однако, сопровождаемая государыню в ее поездке, он пережил несколько неприятных моментов. Вот, что писал по этому поводу Сегюр: “Какую перемену заметил я в нем! Это был другой человек: гордый и важный вице-король в Польше превратился в России в придворного, едва заметного в толпе; мне казалось, что я вижу развенчанного монарха. Впрочем, хотя Потемкин и другие русские министры добились того, что императрица обращалась с ним холодно, он довольно удачно выпутывался из этого неприятного положения”⁸⁸.

Деятельность Штакельберга в Польше была направлена на усиление там русского влияния и умиротворение поляков. Стремясь парализовать враждебные действия Пруссии в Польше, усилившиеся в связи с войнами России с Турцией (1787 г.) и Швецией (1788 г.), Штакельберг сделал попытку заключить с Польшей оборонительный союз, но потерпел неудачу. Польский сейм, подстрекаемый прусской дипломатией, отверг предложенный Штакельбергом проект союза.

В его будущей отставке немалую роль сыграло и нерасположение к нему Потемкина. В январе 1790 г. Потемкин писал Екатерине: “Из прилагаемых здесь писем посла Штакельберха изволите увидеть его тревогу, тем худшую, что он всюду бьет в набат. Естли б он не подписал своего имя[ни], то я бы мог его письмо принять за луккезиниево”⁸⁹. Я тебе усерден, Всемилостивейшая мать, и для того говорю откровенно: воля твоя, а Штакельберх сумнителен”. Пытавшийся разными способами опорочить Штакельберга Потемкин намекал, что, немец по происхождению, посланник продает интересы России: “Получил я от Штакельберха уведомление, что Луккезини предложил об уступке Данцига и Торуни и других мест. Но я о сем уведомлен за неделю еще прежде. Изволите увидеть, что он советует отдать туркам Подолию и Волынь, а прежде советовал мне поступиться по Днепр от наших границ. Я как верный и взысканный подданный советую – пора его оттуда”. В следующем письме Потемкин выражается еще более

⁸⁶ Русская старина, т. III, февраль 1871, с. 320–321.

⁸⁷ Подробнее см. *Елисеева О.И.* Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М., 2000.

⁸⁸ *Сегюр Л.-Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II. – Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989, с. 417–418.

⁸⁹ Потемкин имеет в виду прусского посланника Луккезини. О нем см. *Butterwick R.* The Polish Revolution and the Catholic Church, 1788–1792. – A Political History. New York, 2012, p. 107–108.

категорично: “Из неограниченного моего усердия я Вам, моя родная мать, говорю, что вреден в Польше Штакельберх”⁹⁰.

Хотя императрица не разделяла неприязни Потемкина к Штакельбергу, начиная с конца 1770-х годов в некоторых ее письмах к посланнику звучит раздражение из-за его излишней, на ее взгляд, самостоятельности. “Я желаю, – пишет она, – чтобы Вы не принимали никаких приказаний, кроме моих”. В другом послании, уведомляя Штакельберга о необходимости сократить средства, которые Россия вкладывала в польские проекты, Екатерина предупреждает: “Мы не позволяем Вам делать никаких новых расходов, кроме пенсий, прежде от нас пожалованных, и потому высылать сюда векселя, кои не только здесь принимаемы не будут, но и возвращены будут к Вам”⁹¹. Это было последнее письмо Штакельбергу, написанное государыней собственноручно. Совпадение или нет, но все ее “раздраженные” письма, гораздо более официальные, были написаны под ее диктовку секретарем.

Тем не менее императрица отзывала Штакельберга только тогда, когда он серьезно провинился в ее глазах: посланник стал давать своей государыне советы о заключении постыдного мира с Турцией, а она не любила таких советов. Кроме того, Штакельберг, превысив свои полномочия, вступил в переписку с русским посланником в Берлине К.В. Нессельроде, требуя от того отчетов о позиции прусского двора относительно Польши. По этому поводу Екатерина заметила Штакельбергу: “Самые словесные Ваши внушения и объяснения должны быть располагаемы с крайней осторожностью с людьми, которые всякое слово переносят неприятелям и завистникам нашим, – и уже с выговором продолжила: – Не могу оставить без примечания, чтоб Вы таковых препоручений не делали, ибо помянутый министр имеет отсюда достаточные наставления, как и о чем говорить с сим кабинетом”⁹².

29 марта 1790 г., после заключения сеймом прусско-польского союзного договора, Штакельберг был отозван из Варшавы.

В Петербурге ему удалось вернуть расположение императрицы. Честолюбивый дипломат надеялся, что благосклонность Екатерины позволит ему продолжить карьеру. Его карьерные замыслы не остались незамеченными. В сентябре 1790 г. прусский представитель в Петербурге Гельбиг писал в Берлин: “Штакельберга, который ежедневно бывает у императрицы, употребляют орудием для низвержения графа Остермана. Между тем, известно, что Штакельберг останется обманутым; ибо, если и удастся удалить вице-канцлера от дел, то ни граф Безбородко, ни князь Потемкин не допустят, чтобы человек столь надменный и столь заносчивый заступил такой важный пост”⁹³. Действительно, Потемкин и Безбородко сделали все, чтобы удалить Штакельберга от двора. В 1791 г. он был направлен послом в Стокгольм.

Штакельберг еще находился в пути, а императрица уже направила ему письмо с указаниями “оторвать Швецию” от союза с противниками России и начать с ней переговоры о заключении союза. “Если шведский король, мой близкий родственник и друг, еще объявит себя моим союзником, помощником и рыцарем, – писала Екатерина, – то враги мои и вся Европа увидят, что север сумеет поставить преграды новым диктаторам”⁹⁴. И далее она наставляла посла: “Ваши переговоры, должны заключать в себе три главных пункта: во-первых, помешать королю присоединиться к нашим врагам для общего на нас нападения; во-вторых, постараться склонить его к нейтралитету в том случае, если бы, в-третьих, не удалось привлечь его к семейному северному союзу”⁹⁵.

---

⁹⁰ Екатерина Вторая и Г.А. Потемкин. Личная переписка (1769–1791). -<http://www.litmir.net/br/?b-96482&p-128>

⁹¹ Русская старина, т. III, февраль 1871, с. 318–319.

⁹² Там же, с. 483.

⁹³ Архив князя Воронцова. Т. 26. Бумаги разного содержания. СПб., 1882, с. 455.

⁹⁴ Русская старина, т. III, февраль 1871, с. 484.

⁹⁵ Там же, с. 606.

10 (21) мая 1791 г. дипломат уведомил государыню о своем прибытии в Швецию и уже состоявшихся встречах с Густавом III. Екатерина, памятуя о ненависти Густава к революционной Франции, на этой основе и рассчитывала склонить его к союзу с Россией. “Мы – король шведский и я – имеем довольно сходные мысли на счет дел во Франции”, – писала она Штакельбергу. Союз должен быть заключен для того, чтобы “возвратить королю Франции его законные права и преимущества” и вернуть “дореволюционный порядок вещей”⁹⁶. Антифранцузская коалиция, рассуждала Екатерина, должна быть направлена против Англии, поскольку “ни одна из держав не заинтересована столько продолжением французской анархии, как Англия, а быть может, и вся англо-прусская лига”. Императрица писала, что хорошо было бы привлечь к союзу немецких князей и австрийского императора, но подчеркивала, что Россия, занятая войной с Турцией, не сможет активно участвовать в союзе⁹⁷.

Кроме того, Екатерина поручала своему посланнику в Испании прозондировать вопрос о позиции Испании и Сардинии. Она предполагала “совершенную пассивность этих дворов”⁹⁸. “Что же касается Испании, – замечала императрица, – не думаю, чтобы она приняла какое бы то ни было участие, не будучи вполне уверена в благоприятном исходе”⁹⁹.

Переговоры Штакельберга с Густавом III увенчались успехом, и 8 (19) октября 1791 г. в Дротнингольме был подписан русско-шведский союзный договор, который можно считать первой попыткой создания коалиции европейских держав против революционной Франции.

Смерть Густава III резко изменила русско-шведские отношения. Ставший регентом младший брат короля Карл Зюдерманландский круто развернул внешнюю политику Швеции. Он повел линию на сближение с революционной Францией, разогнал регентский совет, и многие его члены, настроенные пророссийски, были вынуждены бежать из страны. Штакельбергу было поручено донести до регента недовольство Екатерины подобными мерами. Он выполнил это задание “с жесткостью, свойственной его характеру и способу вести дела”, чем оскорбил регента, и тот собственноручным письмом потребовал у Екатерины отозвать ее посла. Императрица решила, что Штакельберг, как и в Варшаве, позволил себе излишнюю самостоятельность. В мае 1793 г. он покинул Швецию, даже не вручив своей отзывной грамоты.

8 июня Штакельберг вернулся в Петербург и тут же отправился в Царское Село, где был принят императрицей, причем, как уверяет испанский поверенный в Петербурге Ф. Амаг, весьма ласково: бывшему послу велено было “остаться там и выделены там апартаменты”¹⁰⁰.

В своих “Записках” графиня В.Н. Головина вспоминает: “Летом 1794 г., когда я во второй раз жила в Царском Селе, при дворе прибавилось несколько новых лиц. Граф Штакельберг, наш прежний посол в Варшаве, где он играл важную роль, отлично умел угадывать дух общества; он был ловкий царедворец”¹⁰¹. Екатерина охотно принимала Штакельберга при дворе, и тому есть немало свидетельств. В частности, вспоминая о “привычке” великого князя Константина драться с придворными, граф Головкин писал, что однажды Константин сломал руку “величавому Штакельбергу”. К этой величавой осанке, “которая с тех пор стала для него привычной и так противоречит гибкости и услужливости, проявляемым им к людям, пользующимся властью”, Штакельберг, по

⁹⁶ Там же, с. 690.

⁹⁷ Там же, с. 615.

⁹⁸ Там же, с. 618. Эту мысль ей внушил посланник в Мадриде С.С. Зиновьев. Действительно, до лета 1791 г. Испания сохраняла нейтралитет во французских делах. Подробнее см. *Волосюк О.В.* Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений. М., 2011, с. 455–476.

⁹⁹ Русская старина, т. III, февраль 1871, с. 618.

¹⁰⁰ Archivo General Simancas. Estado, leg. 4623, № 30.

¹⁰¹ Записки графини В.Н. Головиной. – Исторический вестник, 1899, № 2.

мнению Головкина, приучил себя, будучи посланником в Варшаве¹⁰². Подобным образом характеризует внешний облик Штакельберга и Сегюр: “Привычка властвовать придавала некоторую важность его движениям и медленность его речи, что казалось странным при дворе, но обличало в нем сильного человека, который привык внушать уважение и заставлять молчать”¹⁰³. А Безбородко писал князю Кочубею, что на обеды к великому князю Александру Павловичу “ходят все знатнейшие... Вчера я там обедал с графами Остерманом, Завадовским и Стакельбергом. Всякий вечер составляют они беседу у Государыни”¹⁰⁴.

Честолюбивые устремления по-прежнему не оставляли Штакельберга, но, кажется, звезда его уже закатилась. В июле 1793 г. Ф.В. Растопчин писал А.Р. Воронцову: “Говорят, что он (Штакельберг. – *О.В.*) метит в министры, но, я думаю, он успеет надоесть императрице прежде, чем добьется этого. Его младшему сыну, достойному и умному юноше, обещано место в Турине”¹⁰⁵. В другом письме Воронцову, датированном 9(20) марта 1794 г., Растопчин с сарказмом замечал: “Своими поступками он (сын. – *О.В.*) как бы искупает странности отца своего, которой воображает себя 25-летним соблазнителем, любезничает, важничает, каверзничает и уверяет, что все это из желания улучшить и обеспечить судьбу своих детей. Он не может жить без двора, которому надоед, особливо с тех пор, как с ним был параличный припадок, в котором он не хочет сознаться, соглашаясь только, что он ослабел”¹⁰⁶.

Екатерина II однажды набросала шутливую записку, где предсказывала, от чего умрут ее приближенные: “Г-жа Штакельберг от удивления... г-жа Зиновьева от смеха... г-н Штакельберг от желчи”¹⁰⁷. Умерла государыня раньше своего “желчного” придворного.

После смерти Екатерины Штакельберг вышел в отставку. О его дальнейшей судьбе известно лишь то, что он жил в своих владениях в Эстляндии, но прожил недолго. Видимо, “параличный припадок”, о котором упоминал Растопчин, надломил его здоровье. Отто-Магнус Штакельберг умер 7 ноября (26 октября) 1800 г. в Дрездене в возрасте 64 лет.

* * *

Граф О.-М. Штакельберг был незаурядным российским дипломатом. Венцом его карьеры стала почти 20-летняя деятельность в Польше, стране, которая была ему более близка и лучше знакома, чем Испания. Но именно пребывание в Испании, где началась его служба, сформировало Штакельберга как дипломата и политика. Полученный там опыт он успешно использовал в своей дальнейшей деятельности. “В любой карьере, – говорил он когда-то Сегюру, – многое зависит от первого шага. Мой был удачен, а этот первый успех во многом способствовал моему дальнейшему быстрому продвижению, возвышению на столь ответственные посты и той благосклонности, с которой относятся ко мне государыня”¹⁰⁸.

На каком бы посту ни находился Штакельберг, он везде проявлял исключительную активность, часто даже в ущерб собственной карьере. Гуляка и весельчак, остроумец и задира, он всегда умело выпутывался из щекотливых ситуаций, отчасти благодаря уму и изворотливости, отчасти – симпатии, которую испытывала к нему Екатерина II. Выдвинутый императрицей через два года после ее восшествия на престол, он ушел в отставку сразу же после ее смерти. Штакельберг был в полном смысле человеком екатерининской эпохи.

¹⁰² Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М., 2003.

¹⁰³ Сегюр Л.-Ф. Указ. соч., с. 419.

¹⁰⁴ СИРИО, т. 26. СПб., 1879, с. 500.

¹⁰⁵ Архив князя Воронцова, т. 8. СПб., 1876, с. 74.

¹⁰⁶ Русский архив, 1878, № 3, с. 296–297.

¹⁰⁷ СИРИО, т. 10. СПб., 1872, с. 320–321.

¹⁰⁸ Memoirs and Recollections of Count Segur, v. 2, p. 144.